

О. А. Шор. Мнемология. Составление, подготовка О. Л. Фетисенко. СПб., «Пушкинский дом», 2023. 242 стр.

Ольга Александровна Шор (1894 — 1978) известна как верная помощница Вячеслава Ивановича Иванова в римской эмиграции, составитель «брюссельского» собрания сочинений и более чем легенда русского Рима. Можно сказать, пусть с некоторым преувеличением, что она, и дети Иванова Дмитрий и Лидия и были *римской ветвью русской эмиграции*. Это не значит, что в Риме не было других почтенных русских эмигрантов, но только то, что как все дороги ведут в Рим, так в Риме все дороги вели русских по духу в квартиру Ивановых. Включенные в книгу впечатления русских американцев Юрия Иваска и Бориса Филиппова и подробный мемуар ленинградца Василия Рудича только подтверждают это.

Но трактат «Мнемология», философия и богословие памяти, кажется, поймут без трудностей только те, кто привыкли к математизации богословия, внимательно прочитав все примечания к «Столпу и утверждению Истины» Павла Флоренского. Но сразу скажем: с некоторыми трудностями, но вполне поймут его даже те, кто из всего наследия Вячеслава Иванова читали только «Переписку из двух углов» с Михаилом Гершензоном — проблема памяти и забвения, которая позволяет там собеседникам обозначить и свои планы на будущее, и, можно сказать, планы послевоенного мира на будущее, здесь оказалась частью размышления о мировой истории.

Распутать формулы памяти и забвения, со своими дифференциалами и интегралами, сначала непросто, но после оказывается очень даже возможно. В основе рассуждений Шор лежит догадка Иванова о двух ипостасях сатаны — *Люцифере* и *Аримане* — этим мифом он объяснял поведение героев Достоевского. Люцифер бунтует ради чего-то, поэтому в чем-то рационален, в нем есть целеполагание, тогда как Ариман просто вводит сам себя в заблуждение, самодурствует без всякой цели и являет собой полное разложение нравственности и ума. Тогда «бесы» Достоевского и подобные им последующие герои, вроде Калигулы Камю, явно носители ариманского, а не люциферического духа.

Но то, что было у Иванова ключом к истолкованию метафизического реализма Достоевского, в рукописи Шор становится своеобразной феноменологией события — она ссылается и на Риккерта, и на Гуссерля, показывая несводимость события даже к самым совершенным формам бытия. Из событий на небе и на земле для нее и состоит мировая история, тогда как причинно-следственные связи относятся только к бытию, заведомо вторичному и аналитичному. Истинная реальность как бы разлагается-в-себе на эмпирическую реальность, как будто низвергается в этот распад, как только становится *из события бытием*, — тогда как миф (метонимия и музыка) и ритуал (метафора и маска) возвращают нам умение превращать синтетические суждения в синтетическое творчество, которое звучит, не тронутое распадом. Иногда и сам трактат Шор переходит в стихи, вроде «Царь — Лев, художник — Бык, Пророк — Орел, Священник — Лик»: символы евангелистов толкуются как элементы синтетического творчества, и это можно сделать только рифменно-ритмически.

Согласно Шор, Ариман учит не стыдиться забвения, и потому его может сразить только архангел Михаил с его открытостью и триумфальностью. А Люцифер скрывает забвение, он в чем-то стыдлив, и его может победить архангел Гавриил,

возвестивший скрытую и стыдливую память человечества в день Благовещения. Шор то обращается к мифологии, дописанной ей «Повести о Светомире Царевиче» Иванова, изображая змеборчество как основной миф всей культуры, то идет дальше своего наставника, вводя третью ипостась сатаны — Асмодея, «принцип убивающей оценки», которому противостоит милосердие архангела Рафаила, исцеление Товита. Просто Шор несколько больший платоник, чем Иванов, она стремится истолковать «синтетическое суждение» в современной ей логике как «эйдетическое», как созерцание идей-эйдосов, сближая Гуссерля и Платона в едином собеседовании. Архангел Рафаил позволяет преодолеть власть обыденного языка, с его поспешными умозаключениями и неизбежностью оценочных суждений, и вернуться к истинному образу мысли и духовного созерцания.

Осуществим ли такой проект, закрыть открытый Витгенштейном обыденный язык ради новой духовности? Шор только однажды показывает, как он осуществим, еще большим безмолвием, чем у Витгенштейна. Молчать следует не только о том, о чем невозможно сказать, но и о чем возможно сразу сказать не задумываясь. Такой образ благого молчания для нее — Зевс Олимпийский работы Фидия, который не дошел до наших дней, потому что оказался слишком близок самому благому бытию, самому работающему счастью — по греческому поверью, кто увидел эту статую, уже не мог быть несчастным. Об этом *событии бытия*, Зевсе Фидия, можно говорить много, но не позволительно говорить не задумавшись. Но ни одно высказывание о нем не будет фактом обыденного языка, но только задумчивого счастья и особой поэзии ивановского Рима.

Новый Мир. № 7, 2023

Книжная полка Александра Маркова.

<https://new.nm1925.ru/articles/2023/07-2023/knizhnaya-polka-aleksandra-markova-07-23/>